

Короткие тени¹

Предисловие Рене Шерера

Даниэль Бенсаид отправляет нам – с того света – это сообщение, выполненное в форме небольших, более или менее завершенных эссе; монологий, как сказал бы Адорно. Это цепочка заметок к прочитанному, предложений; проект книги, как показывает план оглавления. Эскизы, а иногда и нечто большее, письма зачастую вопрошающего, торопливого, жгучего, как будто захваченного крайней нуждой, – в тревоге, вызванной безжалостной болезнью, трагически близкой смертью.

Эти тексты затрагивают различные темы: «фетишизированную стоимость товара», «общество спектакля», «классовое сознание», «критику повседневной жизни», изменения, производимые «обществом потребления»: все они тяготеют к центральному вопросу, сходятся к нему, наперебой задают его или на него намекают.

Вопросу равно мучительному и тяжелому, как и очевидному; простому, можно даже сказать, упрощенному: что стало сегодня с *желанием революции*?

Может ли революция, или даже Революция с большой буквы, найти сегодня ясную формулировку – в многочисленных потрясениях или бунтах, порождаемых современным миром? *Желательна* ли она еще –

---

¹ «Короткие тени» (*Kurze Schatten*) – название позаимствовано у Вальтера Беньямина, переведенного Морисом де Гандийяком (под редакцией Пьера Руша) во втором томе его французского «Собрания сочинений» (Benjamin, Walter. *Ceuvres*, Gallimard, «Folio», 2000, p. 32).

пусть даже с теми беспорядками, которые за ней маячат? Можно ли еще говорить о революционном классе, каковым по сути и по определению является рабочий класс, пролетариат? Стоит ли еще революция в повестке дня, является ли важным и бесспорным предметом сознания? Классового сознания, как она была когда-то, когда это казалось ясным и понятным?

Тогда, как говорил Пеги, вроде ничего не произошло, но случилось нечто, заставляющее сказать: изменилось всё, отныне мы другие. Поскольку что-то произошло. Что заставляет нас проснуться рывком – подобно Ницше, когда он ставил себе вопрос о Добре и Зле; что внезапно извлекает нас из сна и заставляет спросить: «Который час?». Время ли всё еще для революции, столь прославленной и столь ожидаемой?

А если нет, то почему?

Неотложное, хотя и не паническое, конечно, вопрошание философа – остающееся, однако, бесспорно тревожным, ставящим под вопрос объект желания, вынуждающим вернуться к его практическим и теоретическим посылкам и основаниям. Озаботившись предельным исследованием, этот мыслитель революции, этот революционер, пусть и не профессиональный, но, по крайней мере, идейный, принимается за изучение; а ведь он – тот, кто сумел с таким блеском выявить и прославить пришествие этого понятия, вместе с Французской революцией, а затем с постепенно формирующимся и одерживающим победу марксизмом. Неотложное вопрошание, заставляющее его, бросив все дела, приостановив всю остальную деятельность, полностью посвятить себя этой генеалогии упадка и восстановления.

Незаметно, постфактум история ставит нас перед свершившимся. Протестные движения 1960-х годов, для молодежи являющиеся, несомненно, предысторией, но

все еще близкие некоторым из нас, создали место если не для смирения, то, по крайней мере, для дезориентации мышления, для колебания перед любым возможным действием. Я предполагаю, что эти действия относятся к «*боковым возможностям*», если использовать это обозначающее утопию выражение, которое Даниэль берет у Раймона Рюйе; или же связаны с тем, что Делез и Гваттари называли «*линиями ускользания*», позволяющими увидеть альтернативы, пусть и немногочисленные.

Мы попались в ловушку, оказавшись запертыми в адовом кругу рыночного общества – стоя перед барьером, концом истории, для которой мы более не видим никакой лазейки, ничего внешнего. Рыночное общество, расширенное до интегральной глобализации, не предлагает нам более никакого выхода. У нас больше нет внешнего – одновременно в географическом, экономическом, материальном и духовном смыслах.

Но это и есть финал, то есть попросту начало прорыва.

Зло началось давно и идет издалека. Отсюда необходимость исследовать его источники, проследить его диаграмму, изучить реперные точки, замыкающие мир – если не сказать: ад – теми кругами, которыми мы зажаты. Раз ад – значит, нужен Данте; так Пазолини в своем фильме «Сало» или в «Нефти», работая с аллегориями, не колеблясь шел на экстраполяцию, на то, чтобы переступить порог.

Но он был поэтом, то есть человеком *озарения*.

Отказываясь от роли провидца, Даниэль Бенсаид, как философ, политический деятель, преданный к тому же, не будем забывать, своей миссии преподавания, предпочитает гневному разоблачению (*rabbia*^{2*} Пазо-

---

² Бешенство, гнев (*ит.*). – Прим. перев.

лини) путь критического анализа, верного марксизму, который для него всегда выступал главным маяком и который он всегда проповедовал. Еще более преданным этот анализ выглядит сегодня, когда эту мысль со всех сторон поносят и унижают – как в средствах массовой информации, так и, по большей части, в университете. Даниэль, в отличие от Деррида, не довольствуется призывом *призрака* Маркса, он воскрешает его и становится его попутчиком.

Ведь именно Маркс по-прежнему держит ключи и предлагает их нам. Ключи от той загадки отчуждения, которая хватает за горло и затуманивает взгляд – это ключ неисчерпаемой концепции «фетишизированной стоимости» товара, которая отделила человека от него самого – в его экономической деятельности и общественных отношениях – стеной из вещей.

Которая в конце концов свела его к положению пассивного наблюдателя – и окружающего мира, и самого себя. Не позволяя ему увидеть как его *добровольное рабство*, так и его сущностное отчуждение; лишая его самого его воображения, даже его желаний, которые крутятся в бессмысленном круговороте, заключенном в смехотворной витрине товаров, предлагаемых для его наслаждения.

И сегодня эта гнетущая фигура стала фигурой непосредственного сознания, столь прославляемой спонтанности масс.

Мир симулякра окончательно закрыл доступ к истине социальных отношений. Некоторые смиряются с этим; они усвоили нигилизм отречения, который может соответствовать либо смирению перед существующим порядком вещей, либо неистовству бунтарского радикализма, не имеющего ни реального основания, ни выхода.

Здесь я могу лишь отослать читателя к конкретным моментам ясных и поучительных разборов, позволяющих размотать клубок причин, приведших к этой ловушке. В них автор не столько полемизирует, сколько стремится понять, выйти на окольный путь, через который можно было бы уйти от угрожающего нигилизма.

Одна важная тема проходит через них красной нитью: как я только что сказал, это тема фетишизма в его марксовом определении, то есть тема первичного разделения, из-за которого «человек» «объективируется» лишь в том случае, когда отчуждает себя. *«Вот так мир заселяется независимыми силами – Деньгами, Рынком, Экономикой, Государством, Историей, Наукой, Искусством, которые все являются не более, чем выражениями человеческой деятельности и общественных отношений, но при этом кажется, что господствуют над своим создателем за счет своей устрашающей силы.»*

На другом языке их можно было бы назвать «трансценденциями», которые формируют идеологию господствующих классов, ставшую «господствующей» идеологией, задают одномерность мысли и, соответственно, человека. Как выйти из нее, как совладать с тем, что стало как будто бы неодолимой силой господства?

Некоторые реперные точки выступают источниками света, среди которых особенно яркими кажутся – для меня и в соответствии с моим прочтением – исследования Изабель Гаро об идеологии, классические, но обновленные исследования того же Лукача, который в объяснение, ставшее слишком механистичным, помещает классовое сознание как одну из «боковых возможностей», которые через распутье могут вывести к решению и действию сознание, ставшее ложным и неподвижным из-за отчуждения. А Анри Лефевр от-

крывает нам иные бифуркации, выводящие на утопические возможности, на другие места, которые позволяет увидеть критика повседневной жизни.

Речь, следовательно, будет о том, чтобы снова взяться за все это, руководствуясь множеством этих открытий. Поскольку, как пишет Даниэль, речь идет не о том, чтобы доверить обретенное сознание руководству, опять же трансцендентному, со стороны той или иной партии, а о том, чтобы ухватить возможность *«возникающих форм, действующих лиц и сочленений, без большого Субъекта»* (курсив мой. – Р.Ш.).

То есть, чтобы разорвать порочный круг (напомню, что первым стал говорить о *«порочном круге цивилизованной индустрии»* Шарль Фурье), надо будет найти путь желаний, путь возможностей. Пусть даже они будут *невозможными*, предложенными *утопией*.

Между Жаном Бодрийяром и Анри Лефевром Даниэль Бенсаид выбирает, несомненно, второго – того, кто указывает направление и предлагает спасительный аргумент.

Что касается ситуационистского аргумента об обществе спектакля, хотя в нем и нельзя не признать определенную описательную ценность и убедительную силу, облакающую в образ ложное – овеществленное и отчужденное – сознание, Бенсаид не считает, что для превращения спектакля в истину, для обретения подлинности человеческих отношений, было бы достаточно сойти со сцены в зал и, в каком-то смысле, сорвать покров. Нет иного – настоящего – мира за тем, который показывается в спектакле. Нет точки зрения абсолютного наблюдателя, которому была бы доступна истина. Действовать необходимо именно *внутри этого мира*. Отправляясь от него, то есть принимая его целиком и

полностью, опираясь, чтобы его же и изменить, на его скрытые обещания.

Таковым представляется учение и, если можно так сказать, вера Бенсаида. Даниэль верит в мир и возможность его спасти.

Внимание, с которым он излагает тезисы, которые, хотя и не принадлежат ему, его ориентируют, оказывается также молчаливой критикой самоуверенности и даже надменности некоторых. И он не боится мимоходом уколоть некоторых из своих друзей, соратников по борьбе и мысли. Но легким уколом. Его тон, хотя и боевой, всегда остается великодушным, поскольку он сопровождается именно этой неискоренимой верой.

В других текстах (не в тех, что собраны здесь, хотя в них эта вера тоже местами просвечивает) Даниэль связывал ее с концепцией истории Вальтера Беньямина и с его *мессианизмом*, с обещанием, с той долей *надежды* («принципом надежды» Эрнста Блоха), которая вела его с самого начала. И можно было бы добавить – идея утопии, имманентно присутствующей в самой повседневности, к этому приглашает, – к тем частицам света, которые, как говорит Шарль Фурье, неумолимо пробииваются в самом лоне Цивилизации, на ее окраинах, его тайные страсти – подавленные или искаженные.

Эти огоньки, полоски света на краю сумерек – это все наши акты сопротивления, непокорности, восстания, особенно со стороны молодых, которые столь щедры на обещания перемен. Как и, самое главное, новое понимание революционной идеи, которую поспешили выбросить на свалку истории, объявив мертвой или устаревшей.

Послание, оставленное здесь, высвечивает ее множеством отблесков *преломленного света*.

4 декабря 2010 года

Примечание к настоящему изданию

«Спектакль как высшая стадия товарного фетишизма» – это название книги, замысел которой возник, видимо, еще в 2004 году: над ней Даниэль Бенсаид продолжал работать и в те месяцы, которые предшествовали его смерти (12 января 2010 года).

Книга не завершена, и мы публикуем ее в таком виде, то есть не пытаюсь скрыть следы незавершенности. Она состоит из шести глав, которые были заявлены уже в ее плане, составленном самим автором (его мы приводим в приложении вместе с добавленной библиографией). В то же время следует отметить, что названия и содержание шести данных глав не всегда точно соответствуют этому плану – да и вряд ли могло быть иначе. Запланированные ходы либо не обнаруживаются в составленных главах, либо лишь намечены в них; вполне логично предположить, что к ним могли бы добавиться и другие главы.

Мы публикуем также «дидаскалии» книги, которые набраны мелким шрифтом и заключены в угловые скобки > <. «Дидаскалиями» мы называем здесь отрывки, недописанные или только намеченные, посредством которых Даниэль Бенсаид обозначал траекторию движения, планируя затем завершить определенные аргументы или внести окончательные дополнения. Мы сохранили их, поскольку чаще всего они не менее интересны, чем собственно законченный текст.

Многочисленные цитаты (Даниэль Бенсаид, оставаясь верным методу, принятому в его теоретических работах, предается терпеливому и страстному упражнению в чтении), были сверены нашими силами.

В целях упрощения мы объединили все примечания, не разделяя те, что были оставлены самим Даниэлем Бенсаидом (зачастую он использовал временные сокращения), и те, что были созданы нами, когда они состоят исключительно из библиографических ссылок. При этом все наши примечания заключаются в квадратные скобки в тех случаях, когда они нацелены на уточнение или сообщение дополнительной информации.

В составлении этой книги решающую роль сыграла Софи Бенсаид, за что мы ей искренне признательны.

I. О добровольном рабстве

«Народ сам отдает себя в рабство, сам перерезает себе горло, когда, имея выбор между рабством и свободой, сам расстаётся со своей свободой и надевает себе ярмо на шею, когда он сам не только соглашается на свое порабощение, но даже ищет его... Решитесь не служить ему более – и вот вы уже свободны. Я не требую от вас, чтобы вы бились с ним, нападали на него, перестаньте только поддерживать его, и вы увидите, как он, подобно колоссу, из под которого вынули основание, рухнет под собственной тяжестью и разобьется вдребезги.»

Эти знаменитые строки из «Рассуждения о добровольном рабстве» Этьена де Ла Боэси стали общим местом современных речей о философском сопротивлении. Раз у нас есть выбор, значит, чтобы освободиться, было бы достаточно изгнать власть (или биовласть) из своей головы, так же как для того, чтобы рассеять религиозное отчуждение, достаточно прогнать из своей головы бога. Такое сближение неслучайно. Ведь Ла Боэси на самом деле борется во имя политической идеи государства именно с теологической концепцией власти, основанной на связях личной преданности и зависимости. Напротив, в современном государстве безличное господство, а не рабство, коренится в объективации овеществленных социальных отношений.

Неудивительно, что оживлением интереса к «Рассуждению» сопровождалось подъем антитоталитарной тематики и резкое обрушение бюрократических тираний. Так называемые «бархатные» революции,

похоже, служат великолепной иллюстрацией этому колоссу, из-под которого вынули основание, выкрикнув ему: «Народ – это мы!», после чего он рухнул под собственным весом. Приводимое Ла Боэси описание системы «покровительств и одолжений», милостей и опал, придворных и заговорщиков («которые не любят друг друга, но боятся») непременно воскрешает в уме картину привилегий и клиентелизма, свойственных бюрократической Номенклатуре.

Анахронический перенос, зачастую подкрепляемый слишком приблизительными аналогиями, «Рассуждения о добровольном рабстве» на условия современного государства приводит ко множеству серьезных последствий. Самое опасное в том, что такой перенос питает собой надменное социальное презрение к народу рабочих, потребителей, зрителей, «блумов», которые, «имея выбор», соглашаются на рабство по примеру «невежественной толпы», которая довольствуется «тем, чтобы видеть, что у них под ногами», поскольку рабство ей «по нутру»³. Поскольку, чтобы быть свободным, достаточно больше не служить, рабство – это результат коллективной трусости толпы или кара за нее.

В современном государстве, где безличное господство коренится в эксплуатации, на которую притворно соглашаются во имя договора дураков, пассивное сопротивление («достаточно, чтобы вы его больше не поддерживали») выражается не в борьбе, нацеленной на то, чтобы «поколебать» или «низвергнуть» власть, а в изгнании, исходе к линиям ускользания. Однако никогда нельзя массово уклониться от адского круга капиталистического производства. Сегодня уже недо-

---

³ Boétie, E. de la. *Discours de la servitude volontaire*. Paris: GF, 1983, p. 151. <Рус. пер.: Ла Боэси, Этьен де. Рассуждение о добровольном рабстве. М.: Изд-во АН СССР, 1952.>

статочно вообразить счастливого Сизифа. Надо было бы представить себе еще и свободного Бартльби.

По мнению Густава Ландауэра, *«эссе Ла Боэси выражает дух, который, можно сказать, существует лишь в отрицании, но при этом он и в отрицании дух, то есть предчувствие и пока еще неотчетливое выражение позитивности, которая вот-вот родится. Он предвещает то, что позже и на других языках скажут Годвин и Штирнер, Прудон, Бакунин и Толстой... Несомненно, отрицание этих бунтующих натур само полно любви, то есть энергии, но только в том смысле, который был чудесно обозначен Бакуниным, сказавшим, что “удовольствие разрушения – это удовольствие создателя”*⁴. Ландауэр справедливо подчеркивает, что *«Контр-единое»* иллюстрирует возникновение народа, *«составленного из индивидов»*, и *«индивидуального суверенитета»*, направленного против феодальной лояльности, *«которая привязывала их к кому-то одному»*. Но к этому первому *«большому открытию»* он добавляет второе, которое называет *«Контр-Государством»*, которое не просто личное освобождение, но социальная контр-власть: *«Стало заметно, что существует сообщество рядом с государством – не сумма изолированных индивидов, а общая органическая взаимопринадлежность, которая, возникнув из множества групп, стремится к расширению вплоть до образования замкнутого круга. Об этой сверхиндивидуальной структуре, беременной духом, мы пока еще почти ничего не знаем; но однажды мы будем знать, что социализм – не изобретение чего-то нового, а открытие уже существующей и уже развитой реальности. Как только будут найдены нужные камни,*

---

⁴ Landauer, G. *La Révolution*. Champ libre, 1974, p. 139 [p. 93–94 в изд. *La Révolution* в пер. М.Маналь <Manale> и Л. Жанове <Janover>: Éditions Sulliver, 2006].

*объявятся и архитекторы»*⁵. Иначе говоря, если освобождение каждого – условие всеобщего освобождения, тогда такое освобождение не может быть персональным удовольствием. А если можно уйти от добровольного рабства, изгнав тирана из своей головы, сокрушить невольное подчинение деспотизму капитала можно лишь за счет классовой борьбы.

Модный радикализм риторики сопротивления возникает благодаря постоянно повторяемой попытке в период обороны «очистить противоречие», устранить из него всякое опосредование и репрезентацию. Столкнувшись со всемогущей системой, которая, похоже, способна переварить любую оппозицию и встроить в себя любой протест, нужно сделать вывод, словно бы ты не принадлежишь этому миру, словно бы была возможность разбить лагерь в каком-то другом месте, абсолютно внешнем по отношению к порочному кругу господства, с готовностью заменив реальных протагонистов исторической борьбы театром теней, где сталкиваются уже не классы или фракции классов, не партии или социальные движения, а бесформенные диссидентские массы (плебс, множество, грубые орды) и тоталитарное государство, представляемое по образцу гигантского Гулага⁶.

Эта понятийная трансформация классов в плебс и народов во множество началась еще в 1974 году с «Кухарки и людоеда» Андре Глюксмана – книги, о которой Рансьер писал, что вся она организована «*очищением противоречия*», противопоставляющим, с одной сто-

⁵ *Ibid.*, p. 162 [p. 107 в пер. изд. Éditions Sulliver, 2006].

⁶ Это упрощение верно схвачено Б. Бостильсом в его выступлении, прочитанном в Лондоне [Bosteels B. *L'hypothèse gauchiste: le communisme à l'âge de la terreur* // Badiou A., Zizek, S., *L'idée du communisme*, conference de Londres, 2009. Paris: Éditions Lignes, 2010].

роны, дискурс господ, а с другой – плебс, не-класс, чей дискурс чистого великодушия выражает лишь желание не быть угнетенным.⁷ Исчезая в зазоре между полицейской фикцией тоталитарной пролетарской власти и пасторальной мечтой о плебейском безвластии, политика в результате сглаживается, уступая место морализаторской, сострадательной проповеди, которой будет вскормлен пафос прав человека.

Смещение словаря способствует устранению вопроса об опосредованиях и репрезентации, которая расценивается в качестве главного препятствия, стоящего перед освобождением. Страдание плебса немо. А это неизбежно для интеллектуала, который претендует на то, чтобы выступить его толкователем. Еще в 1960 годах Глюксман опубликовал отличную статью в одном из номеров «*Les Temps modernes*», посвященную «Чревоушательному структуриализму». И это позволило ему как нельзя лучше подготовиться к роли рупора чревоушательного Гулага. «*Фигура черни, – пронизательно отмечает Рансьер, – выдвигается в качестве того, что представляет интеллект, так же как вчера он представлял пролетариат, но теперь сам способ представления отрицает репрезентацию; чернь означает одновременно всю позитивность страдания и сопутствующую ей долю отказа и негативности, осуществляя тем самым непосредственное единство интеллектуала и народа*»⁸.

Развиваемая от «Невидимого комитета» до Мигеля Бенасаяга и Джона Холлоуэйя, эта фигура, благодаря которой подмена принимает эстафету у представления, сегодня нам более чем знакома.

---

⁷ Rancière, D. et J. La bergère au Goulag [*Révoltes logiques*, № 1, зима 1975, переизд. в: *Les Scènes du peuple. Les Révoltes logiques*, 1975–1985. Lyon: Hors-lieu, 2003].

⁸ *Les Scènes du peuple*, [op.cit.] p. 307–308.

II. Мифы и легенды господства

В 1964 году в своей книге «Одномерный человек» Герберт Маркузе ставил вопрос о том, можно ли еще *«разорвать порочный круг господства»*. То есть, иными словами, вопрос был в том, возможна ли еще революция в развитых капиталистических странах, где сложилась *«чистая форма господства»*. Рабочий класс, связанный отныне с системой потребностей, *«но не с ее отрицанием»*, похоже, должен был утратить в *«обществе избытия»* все свои подрывные силы. Через двадцать пять лет Мишель Фуко сформулировал вопрос иначе: *«Но так ли она желательна, эта революция?»*. Таким образом, вопрос об исторической возможности был стерт и уступил место вопросу желающей субъективности.⁹

Две эпохи, два момента, два подхода.

1. От спектакля к симулякру

Подход Маркузе выражает сомнения, рожденные периодом послевоенного роста, восстановленной динамикой капитализма и его способностью включать рабочее движение в контрактные процедуры государства всеобщего благосостояния. Он вписывается в теоретическое производство, противостоящее эффектам этого относительного процветания, вмешательства стратегически

---

⁹ Foucault M. Inutile de se soulever // *Le Monde*, 11 мая 1979 года, пер. - изд. в: *Dits et Écrits*, t. II. Paris: Gallimard, coll. «Quarto», 2001, p. 780.

ориентированного государства, отчуждения в обществе потребления, которому обещано изобилие.

В разных работах – в «Критике повседневной жизни» Анри Лефевра¹⁰ и «Обществе потребления» Жана Бодрийяра¹¹, как и в «Вещах» Жоржа Перека¹², «Обществе спектакля» Дебора¹³ или же «Воспроизводстве» Бурдьё и Пассрона¹⁴ – мы находим разные отголоски вопросов, поставленных Маркузе. Когда «общество закрылось», объединив «все измерения частной или публичной жизни», боковые возможности, кажется, обречены: «Когда достигнута эта стадия, – пишет Маркузе, – господство... распространяется на все сферы частной и публичной жизни, оно включает в себя любую реальную оппозицию, оно поглощает все исторические альтернативы»¹⁵. Здесь мы обнаруживаем предысторию той темы «рекуперации», которая преследует протестные движения 1960-х годов: как не дать тому, от чего желаешь уйти, догнать тебя и поглотить?

Герои романа Перека, опубликованного в том же году, что и «Одномерный человек», являют собой воплощение консьюмеристского невроза. Книга от-

---

¹⁰ [Lefebvre H. *Critique de la vie quotidienne II, Fondements d'une sociologie de la quotidienneté*. Paris: L'Arche, 1961.]

¹¹ [Baudrillard J. *La Société de la consommation*. Paris: Gallimard, 1970.] <Рус. пер.: Бодрийяр Ж. Общество потребления. Екатеринбург: М.: Республика, Культурная революция, 2006.>

¹² [Perec G. *Les Choses*. Paris: Julliard, coll. «Les lettres nouvelles», 1965.] <Рус. пер.: Перека Ж. Вещи. М.: Молодая гвардия, 1967.>

¹³ [Debord G. *La Société de spectacle*. Paris: Buchet-Chastel, 1967.] <Рус. пер.: Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000.>

¹⁴ [Bourdieu P., Passeron J.-C. *La Reproduction, Éléments pour une théorie du système d'enseignement*. Paris: Éditions de Minuit, 1970.] <Рус. пер.: Бурдьё П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство. Элементы теории системы образования. М.: Просвещение, 2007.>

¹⁵ [Markuse H. *L'Homme unidimensionnel*, авт. пер. Моник Виттиг <Monique Wittig>. Paris: Éditions de Minuit, 1968, p. 42.] <Рус. пер.: Маркузе Г. Одномерный человек. М.: АСТ, Ермак, 2003.>

крывается длинным описанием квартиры. Напоминая первые страницы «Капитала», где Маркс определяет капитализм как *«огромное скопление товаров»*, в этом перечне перед нашими глазами развертывается огромное скопление предметов. На протяжении множества страниц описывается, как, покорившись *«жажде обладания»*, которая в результате *«замещает для них само место жизни»*, молодая пара социологов, обученных новым техникам маркетинга, *«утопает в изобилии»*: *«Они жаждали сверхизобилия. Враг был невидим. Вернее, он был в них самих, он разложил их, заживо сгноил, опустошил. Малые сии, покорные души, верные отражения мира, который надсмехался над ними»*. Общество, убаюканное колыбельной безграничного прогресса, не знает больше иного врага, кроме того, что точит его изнутри, то есть отчуждения перед тираническими фетишами товарного мира. Больше уже нет ни эпопей, ни революционных трагедий, есть лишь, как сухо замечает Перек, *«спокойная трагедия»*: *«Жером и Сильвия не верили, конечно, что можно бороться за диваны “Честерфилд”, но именно этим лозунгом было бы проще всего их мобилизовать»*.

Эта теоретическая или художественная литература 1960-х задается вопросом о том, чем могли бы быть новые очаги и новые действующие лица сопротивления, противостоящего инструментальной рациональности и бюрократическому управлению. Само искусство, представлявшееся *«отрицанием господствующих ценностей»*, было, похоже, нейтрализовано *«феноменом культурной ассимиляции»*, устраняющим всякую трансгрессию. По Маркузе, народные классы стали консервативными. Следовательно, нужно найти нового субъекта на стороне *«париев и аутсайдеров»*, *«других рас»*, *«другого цвета кожи»*, *«безработных»* и *«тех,*

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru